

свой долголетний срок лагерного заключения. Когда и куда будет отправка, это неизвестно. На каких работах придется быть — это тоже еще неизвестно. Вчера проходили квалификационную и медицинскую комиссию. У меня отметили анемию и разницу глаз, какую ж установили категорию — не знаю. Из тюрьмы написал я Вам большое письмо в ответ на Ваши письма. Хотелось бы знать, получили ли его. Как жаль, что нескладно у нас вышло с помощью от Вас, что посылка опоздала. Сюда слать тоже неизвестно, есть ли смысл, потому что неизвестно, долго ли здесь будем. Правда, если вывезут, а придет посылка на этот адрес, она последует за мной, но это долго все. Так что и сам не знаю, просить Вас или нет — послать посылку сюда в Котлас. Решайте сами. Если пошлете, то не большую пока или такую, чтоб ничего не испортилось. Когда прибуду на место, оттуда напишу подробно про все. Осуждены мы все: я, Геннадий Вас[ильевич], Дмитр[ий] Романов[ич] тройкой НКВД сроком на 10 лет, это нам объявили здесь. Не отчаивайтесь, дорогие! Мощна цалую Вас.
Ваш тата Адам.

№ 131. Ганьне, Элеаноры і Алесі Бабарэкам

26.VI.38 г., Усть-Вым.

День добры Вам, дарагие и любые маи Анечка, Лорочка и Лялечка!

Чем порадовать мне Вас с моей печальной дороги?! Чем осветить мне долгие дни Вашего беспросветного ожидания моего возвращения домой?! Что мне сказать теперь Вам, кроме того, что я еще здоров, изболевшись о Вас и той долголетней разлуке, какую вызначила мне судьбина! Дорогие мои, легче разразиться безутешными рыданиями, чем писать эти короткие строки о своем здоровье. Ды что и говорить, и мне, и Вам цалкам зразумелы ўвесь жах нашага цяперашняга стану. Аднаго толькі, любые, не повинна быть в наших переживаниях — это распачи. Будем надеяться, что мы еще доживем до счастливого дня нашего спатканья и нашага супольного жытя.

Пишу гэтыя радкі из пересыльного пункта Устьвымлага. Сюда привезли нас позавчера. Отсюда увезут дальше, в желдорлаг. Кажется, что это будет последний этап нашего следования к месту нашего интернирования. С места напишу поподробнее. Мне ничего не нужно. Посылать, Анечка, ничего не посылай. Прибуду на место, тогда будет видно, в чем будет нужда. Любая Анечка, у цябе ёсьць наша радасьць — наши славныя дачушки. Ці справила ты им сьвята с прычыны отличного перехода их в следующие классы? В письме из тюрьмы (получили ли Вы его толькі) я просил устроить им этот праздник обязательно. Пусть этот праздник будет для них памятью о том, что только в отличной учебе залог их будущего счастья. Любыя детаньки, как много хочется писать о Вас, Вами теперь я живу более, чем самим собою. Все нутро мое, вся душа моя, весь дух мой — это только Вы, мои дорогие и любые, Анечка, Лорочка и Лялечка. Не забывайте свайго няшчаснага татачку. Дамагайцеся, як мага, хадайніцтвам перад вышэйшымі ўстановамі зьмены лёсу Вашага татачкі. Я сам буду хадайничать таксама. Спадзяюся, что наш голас просьбы будет услышан и справедливость верне татачку да жыцьця и пчасьця нашага супольнага. Бывайце здоровы и пчасьливы, маи дорогие и любые. Мощна, мощна цалую вас, Анечка, Лорочка и Лялечка.

Ваш татачка.